

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату.

На основании статьи 99 Основных Государственных Законов, повелеваем занятии Государственной Думы возобновить 9-го февраля 1916 года.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Въ Царскомъ Селѣ, 25-го января 1916 года.
Скрѣпиль: Предсѣдатель совѣта министровъ Борисъ Штюрмеръ.

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату.

На основании статьи 99 Основных Государственных Законов, повелеваем занятии Государственного Совѣта возобновить 9-го февраля 1916 года.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Въ Царскомъ Селѣ, 25-го января 1916 года.
Скрѣпиль: Предсѣдатель совѣта министровъ Борисъ Штюрмеръ.

«Заговорили молчавшіе». Книга К. Чуковского «Заговорили молчавшіе» («Англичане и война»), посвященная английскимъ солдатамъ, вышла уже вторымъ изданиемъ. Интересно мнѣніе о ней самихъ англичанъ, успѣвшихъ уже познакомиться съ ней. Солидѣйшая въ Европѣ газета «Times» посвятила книгѣ большую статью, гдѣ подробно пересказала ея содержаніе. Статья называется «Британскій солдатъ. (Русская точка зрѣнія)».

«Русскіе и англичане», — говорится въ статьѣ, — должны быть равно благодарны мистеру К. Чуковскому за его новую книгу, озаглавленную «Заговорили молчавшіе», изданную недавно Т-вомъ А. Ф. Марксъ. На какихъ-нибудь ста семидесяти страничкахъ автору удалось собрать по первоисточникамъ массу интереснаго матеріала о поступкахъ и о нравственномъ обликѣ британскаго солдата. Въ предисловіи мистеръ Чуковский говоритъ, что его скромная книжка предназначена не для верховъ русской интеллигенціи, которая и безъ того отлично знакома съ англійской литературой и англійской политической жизнью, а для тѣхъ широкихъ круговъ русской публики, которые, говоря откровенно, не знаютъ объ Англіи ничего и по старой привычкѣ твердятъ о «коварномъ Альбионѣ...». Будемъ надѣяться, что эти легкія и живыя странички, со множествомъ прекрасно-подобранныхъ картинокъ, сослужатъ немалую службу дѣлу ознакомленія русскихъ солдатъ со своимъ британскимъ товарищемъ.

Въ предисловіи нѣсколько главъ изъ книги К. Чуковского, англійскій рецензентъ говоритъ: — «Хотя книжка «Заговорили молчавшіе» посвящается характеристикѣ британскаго солдата, авторъ не можетъ устоять противъ искушенія ввести въ нее, хотя бы мимоходомъ, скупую «ридовую Иванову» часто для того, чтобы сдѣлать интересныя сопоставленія и сравненія двухъ національныхъ типовъ — русскаго и англійскаго воина».

Англичанъ весьма заинтересовали тѣ отрывки изъ русскихъ солдатскихъ писемъ, которые приложены въ книгѣ. Рецензентъ счелъ необходимымъ привести ихъ и въ переводѣ и въ подлинникѣ, а также ту «Анафему Вильгельму Гордону», написанную русскими пушкинцами, которая такъ выгодно отличается отъ нѣмецкаго «Гимна Золоты».

Рецензія заканчивается такъ: «Спасибо мистеру Чуковскому: Доброе сѣмя упало на добрую почву — и пусть себѣ растетъ и дѣлается!»

Шиллеръ и нѣмцы. Нѣмцы любятъ похвастаться «своимъ» Шиллеромъ. Одинъ бюргеръ, посѣтившій недавно домъ Шиллера, воскликнулъ съ напыщенной гордостью:

- Такъ вотъ гдѣ жилъ и творилъ нашъ великій національный поэтъ!
- Случившійся неполадокъ «нейтральный» датчанинъ сказалъ:
- Извините, но Шиллеръ не вашъ. Для васъ онъ написалъ очень мало...
- Чтѣ вы хотите этимъ сказать? — спросилъ огорченный нѣмецъ.
- Подумайте сами, — отозвался датчанинъ. — Шиллеръ написалъ «Марію Стюартъ» для англичанъ, «Орлеанскую Дѣву» для французовъ, «Эгмонта» для голландцевъ, «Вильгельма Телля» для швейцарцевъ...
- Чтѣ же написалъ онъ для нѣмцевъ?
- А для нѣмцевъ написалъ онъ «Разбойниковъ».

Нѣмцы жаждутъ мира. Нѣмцы изнемогаютъ все болѣе подъ тяжестью своихъ трагическихъ «побѣдъ». Населеніе ропщетъ и требуетъ отъ кайзера мира. Въ Берлинѣ собираются разъяренныя толпы, которыя приходится разсѣивать въстрѣлами. Тайныя прокламаціи о мирѣ распространяются въ огромномъ количествѣ. Воспроизводимъ фотографическій снимокъ съ одной изъ такихъ прокламацій.

Mappet! Frieden!

Wer den Frieden will, erscheine am Sonntag (Totensonntag) mittags 12 Uhr in Berlin Unter den Linden.

Es Lebe der Friede!

Nach dem Ausspruche des Lord Lorgeburn im englischen Oberhause sind bis jetzt durch den Krieg ca 15 Millionen Menschen tot und Beschädigt. Lord Curzon erklärte, das es einen Ausweg aus der Sackgasse geben müsse.

Das Volk will Frieden!

Вотъ ея дословный переводъ.
«Мужчины! Женщины! Кто желаетъ мира, соберитесь въ воскресенье,

въ День Мертвыхъ, въ полдень, въ 12 часовъ, въ Берлинѣ, Да здравствуетъ миръ! Лордъ Лорбернъ заявилъ въ своей рѣчь верхней палатѣ, что число убитыхъ и раненыхъ на 15.000.000 человекъ».

«Лордъ Кертинъ (?) заявилъ, что есть лишь одинъ выходъ Народу жаждетъ мира».

Кошунственное высомѣрье нѣмцевъ. Навѣстный берлинскій писатель: «Подобно тому, какъ Богъ позволилъ распять Своего сына, чтобы свершился вѣтхій актъ искупленія и спасенія, такъ получила миссію распять все человѣчество для того, чтобы оздоровить расы, которыя могутъ быть спасены лишь кровью, отъ Германцевъ выпало на долю исполнить этотъ актъ очищенія, сами чисты, и выплыла сила избрала ихъ орудіемъ наказанія стойкихъ людей и народовъ. Германскіе солдаты должны уби разрушать все, такъ какъ всякія полумѣры были бы грѣхомъ, неся повелѣніемъ великаго царства добрыхъ людей».

На ряду съ этимъ интересно отмѣтить, до какого кошунства доходитъ нѣмецкая печать. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» говоря о свѣдѣно-воинственномъ тоѣ святочныхъ нумеровъ нѣмцевъ и газетъ, приводитъ примѣръ возмутительнаго кошунства: «Предо мною святочный нумеръ «Lustige Blätter». Двѣ страни рисунки, изображающіе Тиргартенъ. Небо густо усажено звѣздами колонна Побѣды, а на первомъ планѣ — колоссальный, утѣившійся гвоздями деревянный идолъ, изображающій Гиндербидль каждый берлинецъ, какъ извѣстно, за небольшую плату въ У одного изъ ботфортвъ идола стоитъ Младенецъ-Христосъ съ въ одной рукѣ и съ гвоздемъ въ другой. Шляпкой гвоздя служилъ звѣзда. Снизу — стихи, означающіе въ переводѣ: «Въ тихую ночь Младенецъ-Христосъ извлекъ изъ небеснаго свода звѣзду — принесъ на землю. Воздавая по заслугамъ истинному героизму, жертвоватъ кровью, Младенецъ-Христосъ вколачивалъ гвоздь броню фельдмаршала, прославившаго германское оружіе».

Вильгельмъ въ смиренной курткѣ. Одинъ изъ англійскихъ журналовъ слѣдующую исторію, напечатанную во французской за 16-е августа 1891 года. «Eclair» имѣтъ репутацію хорошаго органа и не печатаетъ сообщений иначе, какъ по надлежащей по безусловно вѣрнымъ источникамъ. Мы приводимъ этотъ хара изъ нашего официальнаго военнаго органа «Армейскій Вѣстникъ». «Въ ночь послѣ отплаты яхты «Гогеидолернъ» изъ Англіи былъ вывезенъ на шканцы палубы, къ изумленію своему, зиниюшпацию и наскоро сооруженный алтарь, на которомъ лежалъ Новый Завѣтъ. У алтаря стоялъ императоръ въ бѣломъ облачении въ рукѣ, имѣя на головѣ черную съ бѣлымъ чепуру.

Императоръ прочелъ много чрезвычайно воинственныхъ вѣстовъ наго Писанія.

Затѣмъ, обратясь къ матросамъ, онъ прочелъ длинную проповѣдь о заботѣ монарховъ въ отношеніи своихъ народовъ.

Вся служба длилась три часа, и въ два часа пополуночи экипажъ отпустилъ.

Въ пять часовъ утра императоръ появился на мостикѣ въ амиръ мундирѣ, худой и бѣдный. Приблизясь къ командиру судна, онъ про

— Уходите, сударь, въ свою каюту; я принимаю монашество!

Государь, позвольте мнѣ зайти къ вашему величеству, что для опаснаго мѣста, и для безопасности какъ вашего величества экипажа, командованіе лучше было бы оставить въ рукахъ моря — Ничего, Богъ вдохновитъ меня!

Командиръ поклонился и ушелъ, но второй офицеръ, штурманъ на своемъ посту. Императоръ подошелъ къ нему и съ бѣ крикнулъ:

— Убирайтесь и вы въ каюту!

— Но, государь, штурманскій сохраняетъ свою отвѣтственность за вѣдываніе главными командованіемъ.

— Ты прекословишь, несчастный! Ты смущаешь духъ Божій мнѣ. Вотъ тебѣ кара Божія! — и рука императора тяжело упала на офицера.

Офицеръ крѣпился и стоялъ смирно, послѣ чего императоръ, его ослушавшись, схватилъ его за воротъ и пытался сбросить офицера сопротивлялся, въ борьбѣ императоръ упалъ и сломалъ кофѣльную чашку.

Матросы, ошѣмъ отъ ужаса, созерцали необыкновенное зрѣлище. Затѣмъ произошла сцена, не забываемая для тѣхъ, кто былъ тамъ. Императоръ, извѣдывая отъ боли, глаза его вышли изъ орбитъ, показавшись пѣна, и онъ страшно бравился, обнаруживая пошлостельства.

Послѣ недолгаго совѣщанія, офицеры рѣшили перенести его въ комнату обитую матрацами.

Туда никого не впустили, кромѣ врача, императрицы и людей для того, чтобы держать императора, пока ему не перевезутъ на него смиренную куртку.

Кризисъ длился двое сутокъ, не оставивъ слѣдовъ, кромѣ жгучей въ душѣ свѣдѣтелей.

«Eclair» приводитъ этотъ случай, какъ одно изъ доказательствъ нонормальности Вильгельма.

Электрический сверхъ-дредноутъ. Строящійся въ настоящее время канскаго флота сверхъ-дредноутъ «Калифорнія» является первымъ, который будетъ приводиться въ движеніе при помощи эл. Инженеры, строяще этотъ гигантскій корабль въ 624 фута дліной въ 97 футовъ и съ водоизмѣщеніемъ въ 32.000 тоннъ, общепринимъ, что «Калифорнія» будетъ самымъ красивымъ боевымъ свѣтъ, такъ какъ при отсутствіи тарна форштевень корабля гнѣтные «яхтениые» обводы. Вооруженіе электрическаго сверхъ-ставляютъ двѣнадцать 14-дюймовыхъ орудій, двадцать 5-дюймовъ и четыре миномета аннтрата.

ИЖЖИ

1916 г. № 6

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

Политики и современной жизни

Выходитъ 6-го февраля 1916 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

Въ нѣмеческомъ изд. «Ижж» принимается по слѣдующей цѣнѣ за строку: напечатаніе въ 1-й и 2-й страницѣ по 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ по 1 р. 50 к.; на остальныхъ страницъ по 1 р. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Къ этому № прилагаются «Лит. Прил.» и «Новѣйш. Моды» за февраль.

Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

для СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,

нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

“КРЕМЪ СИМОНЪ”

(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ

J. SIMON, PARIS. — Требуите нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Марка Утверждена.

Употребляйте

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ исключительно въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ

фабриканта

N. CANONNE

PARIS.

БАСНИ КРЫЛОВА

Всѣмъ извѣстныя басни (10 №№) въ два голоса съ акапел. фп. для дѣтскаго исполненія въ школѣ дома. Муз. С. Гилева. Цѣна 75 к.

Каталоги «Свѣтская хорошая музыка» и «Дѣтская Музыка» высылаются бесплатно.

Музыкальное Издательство «Мелодия» Москва, Неглинный пр., 14.

П. ЮРГЕНСОНА

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется БІОЛЪ Т-на Ласлей. Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Занятное обученіе. Безвѣстныя преміи. Каллиграфия, stenografia, правописаніе и проч. АТ-ТЕСТАТЬ. Личныя услуги по дешевой цѣнѣ. БЕЗПЛАТНО.

Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразования», Б. Ружейная, 7—55.

РУССКАЯ ФОТОГРАФИЯ

ТОВАРИЩЕСТВО

ЛЮМО

МОСКВА. МЯСНИЦКАЯ 14-Н-39.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Пробная посылка по получ. 5-ти руб.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣтъ. Проктоль-Пеля, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболиваетъ, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣются всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

Требуйте у всех газетчи-
ков сегодняшний номер
новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“

Цѣна 2 коп.

Годовая подписная цѣна съ перес. безъ приложеній 5 р., съ прилож. 12-ти
стѣнныхъ картъ фронтовъ войны, на которыхъ будутъ отмѣчены
перемѣны линій боевъ на основаніи официальныхъ сообщеній—6 руб.
Главная контора и редакція: Москва, Тверская, д. № 19.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
2011 машинноустроенъ
Полнѣйшій крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. нѣм. нѣт. 85 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышлен-
ностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую опи-
саніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть
особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, осо-
быхъ знаний и спеціальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно
каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.
МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18-2.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ
ГЕМАТОГЕНЪ д-ра ГОММЕЛЯ
РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
испытанное укрѣпляющее средство.
Имѣется въездъ.
Заводъ Гематогена д-ра Гоммеля, Петроградъ, Смоленская ул., соб. д.

Извѣстная на весь свѣтъ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА
„ВИКТОРІЯ“
стоитъ 175 руб.
ВЯЖЕТЪ въ
одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ
одна чулокъ, ежедневно 24 пары.
Теперь вы платите 2 р. заработной платы
за каждую дожную пару чулокъ или носковъ,
вѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.
ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ,
РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.
Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для
легкой домашней работы мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаний не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ.
Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.
Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.
Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

старческая
дрясность,
бесиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ
Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочи-
сленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ
обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей
и вытяжекъ изъ сѣменныхъ желѣзъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по
дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для
здоровья вещества.
Желающимъ выплываетъ безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“, интересующимся
же всей органотерапіей, выплываетъ за четыре 7-ко-
пѣчныхъ марки, только что вышедшая книга
„Цѣлительныя силы организма“.
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

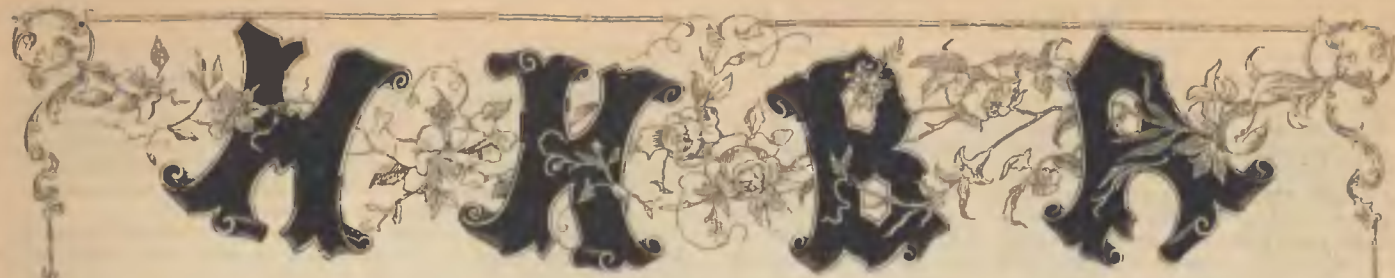
ПИСАТЬ
красиво и скоро будете, выписавши
„Механическую прописку“. Но-
вость въ каллиграфіи. Цѣна нѣт.
нѣт. 85 коп. Адр.: Москва, ред.
это журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (10)

ИСКУССТВА ДОМА: имѣются въ прилад-
ности для вы-
жиганія, выжиганій, рисованія металли-
ческихъ, работъ гвоздями, ГАЛЛІЯ, тер-
ракоты. Въ ботинкахъ выборъ: рисунки,
киссти, краски и холстъ для гобелена.
В. КРУЗЕ, бывш. А. Сиротъ,
ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 23.
Пройс-куртантъ выст. въ 2 семпешоненъ
марш.

М-ВО ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛ.
ТЕХНИКУМЪ
Московского общества распространенія
общеобразовательныхъ и коммерческо-
техническихъ знаний (М. О. Р. О. З.).
Открытие 26-го янв. 1916 г. Пріемъ
взрослыхъ лицъ обоого пола съ
любой подготовкой на архитекту-
рное, инженерное и др. отдѣленія. Плата
60 и 80 руб. за полугодіе. Условія пріема
высказаны безплатно. Москва, Кавказ-
ская, 2/6. Телѣф. 3-80-60 и 3-18-81.

ЗАОЧНОЕ
ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ
по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руковод-
ствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемыя работы и без-
возмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и
прикладного искусства.
Вышелъ изъ печати 7-й томъ.
СОДЕРЖАНІЕ: Акварель—А. П. Делпикши. Рисованіе частей человѣ-
ческаго тѣла—Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками—
А. В. Макаевскій. Линейная перспектива—Т. Н. Катрушкинъ. Чертежи
по исторіи живописи—В. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦИИ: 81 черная
рис., 8 многокрасочн. рис., 16 цвѣтныхъ—гравюра.
Изданіе „Искусство для всѣхъ“ является драматической
полной курсъ знаний, необходимыхъ всякому человѣку, любящему иску-
ство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.
Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ
никакой серьезной школы;
для гг. художниковъ и учителей рисованія,
наконѣцъ для родителей,
занимающихся съ дѣтьми, „Искусство для всѣхъ“
является незаменимымъ пособіемъ.
Краткій проспектъ безплатно. Подробн. просп. „Искусство“ на 15 к.
Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.
Летающая лодка. Новѣйшимъ изобрѣтеніемъ въ области моторнаго судостроенія
является моторная лодка, дѣлающая отъ 90 до 120-ти километровъ въ часъ и
снабженная крыльями, забирающими воду подобно тому, какъ крылья аэро-
плана забираютъ воздухъ. Лодка эта, подвергавшаяся испытанію въ Соеди-
ненныхъ Штатахъ, имѣетъ 20 футовъ длины и 12 ширины, крылья же, распо-
ложенныя по обѣ стороны кузова, имѣютъ 3 фута ширины. Лодка снабжена
двигателемъ въ 250 силъ, имѣющимъ ту особенность, что руль находится на
носовомъ концѣ, хотя рулевой сидитъ на кормѣ. Благодаря этой особенности,
лодкой можно управлять при любой скорости движенія.
При скорости менѣе 22-хъ километровъ въ часъ корма лодки глубоко сидитъ
въ волѣ, а носъ воздымается приблизительно на 20 градусовъ. Далѣе, до 45-ти
километровъ въ часъ, носъ лодки медленно опускается по мѣрѣ увеличенія ско-
рости. Выше этой скорости лодка выравнивается и гладко скользитъ по
поверхности.

№ 6. Выходитъ ежевѣд. (52 №№ въ годѣ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, К. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и де-ностра,
12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ въ 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 6 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1 года—5 р., на 1 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Созывъ Государственной Думы. (Вопросы внутренней жизни). — „Винноватый“
Рискизы Владиміръ Вонновъ. (Отъ охоты). — Развѣдчикъ. Рискизы А. С. Грузинскаго-Лазарева. — Лауреаты Императорской Академіи Худо-
жествъ. — „Расцвѣтлась огнями околица“. Стихотвореніе Я. Тисленко. — „Надъ иголкою проворной“. Стихотвореніе Н. Бенардъ. — Объявленія. — Отклики войны.
РИСУНКИ: Его Величество Государь Императоръ на западномъ фронтѣ (2 фот. С. Корсакова). — Партизанъ. Последній натронъ (рисунки Г. Георгиева). —
Членъ Гос. Сов. тайный сов. Н. Н. Погорельскій, назначенный Государственнымъ Контролеромъ. — Казачій развѣздъ. Картинка И. Владимірова. — На козипіяхъ. Очеркъ въ
лапочку. Пѣйные германцы, взятые въ послѣднихъ бояхъ. — Походная канцелярія артиллеристовъ. — Санитарная колонна. Отправленіе
за ранеными. — Красный Крестъ на походѣ. — Отрядъ Краснаго Креста на позиціяхъ во время затишья. — Послѣ отхода кѣмцевъ. — Все, что осталось отъ стѣнной
постройки на стѣпнѣ С. — Павшие въ бою (25 рис.). — На западномъ фронтѣ (5 рис.). — Первый отрядъ передовыхъ фильтровъ, введенныхъ во французской арміи.
Захваченные французскіе въ Шампани итѣйскіе снряды, илчменные удушливыя газы. — Различныя тылы французскихъ воздушныхъ бомбъ. — Кавказскій фронтъ
(2 рис.). — Лауреаты Императорской Академіи Художествъ (1 портр. и 3 снимка). — Казакъ съ трофеями. Акварель ишето военнаго корреспондента М. Авиова.
Къ этому № прилагается: 1) „Еженѣд. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за февраль 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“
за февраль 1916 г. съ 47 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 110 рис. картонажнаго дѣла.

Дневникъ
военныхъ дѣйствій.
К. Шумскаго.
Нѣмцы надъ Парижемъ и
Англіей.

Послѣ балканской операціи на
всѣхъ фронтахъ войны наступило
исключительное затишье. Раньше
приходилось отмѣчать періоды стра-
тегическаго затишья, какъ въ пер-
вый годъ войны, такъ и во второй.
Однако затишье, наступившее съ
началомъ новаго 1916 года, отлича-
лось отъ прочихъ періодовъ затишья
именно тѣмъ, что не происходило
никакихъ, даже самыхъ незначи-
тельныхъ, операцій ни на одномъ
изъ фронтовъ. въ то время, какъ
въ прошломъ 1915 году мы имѣли
нѣсколько короткихъ наступленій
нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи,
наступленіе къ Бауэръ, наступленіе

Его Величество Государь Императоръ на западномъ фронтѣ.
По фот. С. Корсакова.

Государь Императоръ изволилъ бесѣ-
довать съ главнокомандующимъ
арміями западнаго фронта генера-
ломъ-отъ-инфантеріи А. Е. Звертомъ
и командиромъ корпуса генераломъ-
адъютантомъ А. Н. Куропаткинымъ
(См. „Отклики войны“ № 2).

австрійцевъ на Серойю. гдѣ потер-
ѣла крушеніе австрійская армія
Потторенъ. сарыкамышскіе бои на
кавказскомъ фронтѣ, дарданелльскія
операціи. неудачное наступленіе
турко-нѣмцевъ на Египетъ и проч.
Нынѣшняя зима единственно раз-
нообразилась балканской операціей,
не особенно крупной по масштабѣ и
не особенно крупной по значенію.
Всѣхъ остальныхъ періодовъ затишья
періодомъ пошѣйшаго стратегиче-
скаго затишья, и хотя зима еще
не кончилась, но очевидно, боевого
оживленія нельзя ожидать ранѣе
весны. Это свидѣлствуетъ еще
разъ о томъ, что въ ходѣ войны на-
мѣчается нѣчто крупное, къ чему
обѣ стороны тщательнѣ и кропотливо
накаплиютъ силы, дабы изъ развер-
нутой полностью съ предстоящій рѣ-
шительный періодъ европейской

войны, когда наконец на нашем фронте должна наступить развязка затянувшихся и утомительных событий.

Как водится, период стратегического затишья неминуемо разнообразился стратегически важными событиями, к которым нужно отнести не только понеки разведчиков обеих сторон, но только взрывы фугасов и отдельные нападения партизанов, но и воздушные набег, в том числе даже и два сравнительно больших воздушных набег на Париж и на Британские острова, в середине января 1916 года. Мы причисляем эти набег к стратегически ничтожным событиям, но никто не станет отрицать, конечно, морального значения таких разбойничьих набегов на большие населенные города, на столицы.

Налет на Париж еще раз обнаружил, что наш противник не брезгает, — за отсутствием более подходящих целей и задач, — такими задачами, как создание паники в населенных столицах, крупных государственных центрах. Опыт войны должен был подтвердить противнику всю бесполезность воздушной войны для достижения специально военных целей, и, навзвизываясь в серьезном военном значении воздухоплавательных аппаратов, немцы занялись совершенствованием своих цеппелинов и аэростатов специально для набегов на мирные города. В этих разбойничьих набеге все же продолжали противником и цели, имевшие военное значение, а именно, противник стремился нанести панику на крупные населенные пункты и подбавить морально на массы населения.

Однако, именно эти цели меньше всего удавались противнику, и как население Парижа, так и население английских городов, над которыми пролетали цеппелины, стоически-спокойно отнеслось к довольно многочисленным жертвам, которые пали от бомб, брошенных немецкими воздушными разбойниками.

После девятидневного перерыва (со времени их последнего воздушного набег на восточное побережье Англии) немцы 17-го января вечером появились над Парижем. В половине 10-го вечера был замечен цеппелин, направлявшийся в Париж. Тотчас же по распоряжению префектуры была поднята тревога, и несколько минут спустя столица Франции погрузилась в полумрак. В свою очередь прожектора осветили небо, разсыпавшаяся цеппелин по всем направлениям. Затем французский воздушный отряд из 30 аэростатов, которому поручена воздушная охрана Парижа, немедленно поднялся в поиски на немецкий цеппелин.

Однако сильнейший туман, окутавший город на высоте бомб полувверсты, мешал прожекторам, обстрелу противозащитных орудий и поискам аэростатов.

Кроме того, цеппелин летал на высоте около 3—4 версты, каковая высота полета является совершенно исключительной для цеппелина, и это также в значительной степени мешало обстрелу из орудий.

Пример этого полета еще раз подтвердил, что цеппелины могут летать только в исключительных условиях, а именно ночью, при сильном тумане, и на незначительное расстояние. Несомненно, что немцы давно хотели полетать над Парижем, но мы знаем, что их девять месяцев это не удавалось, благодаря тщательной организации воздушной обороны столицы Франции. Затем, первые полгода войны показали немцам, насколько громадными и хрупкими средствами борьбы являются и цеппелины, ибо, как известно, немцы за первые полгода войны потеряли в общем около 20-ти цеппелинов. Эта потеря 20-ти дорогостоящих воздушных аппаратов несколько не окупалась результатами воздуш-

ных операций немцев: за первые полгода войны, когда немцы потеряли 20 цеппелинов, они произвели всего лишь два крупных воздушных набег. В начале января прошлого года три цеппелина соросили несколько бомб над английским городом Ярмутом, и 1-го апреля прошлого года немецкие цеппелины сбрасывали бомбы на восточное побережье Англии, стремясь, по видимому, полетать над Лондоном.

Оба эти раза немцы летали также ночью, естественно опасаясь, что днем их цеппелины будут разбиты, как слишком большой воздушный цып. Число убитых, а также количество повреждений в обоих случаях было весьма незначительно. Несмотря на то, что оба набег были задуманы в сравнительно большом масштабе.

Так, например, во время последнего набег 1-го апреля 1916 года, один из немецких цеппелинов появился над графством Нортумберленд, около городка Блайта, близ которого находится большой судостроительный центр Англии — Ньюкастл. Оттуда он полетел к городку Элсвигу, около которого находится один из крупнейших заводов мира Виккерса, на котором строятся суда, орудия, мины и проч.

Однако и тогда немцам не удалось достигнуть чего-либо существенного, и из четырех сброшенных бомб только одна задела склад угля, а другие три бомбы упали, куда попало.

Затем два остальных цеппелина хотья, по видимому, прилетели в Лондон, но не долетели до него на 50 верст. Брошенные, где попало, этими цеппелинами бомбы также не принесли существенного вреда.

В нынешнем году, пролетав над Парижем, немецкий цеппелин сбросил ряд бомб, убило 24 человека, из которых 9 женщин и двое детей, и поранивших 22 человека. Одна из бомб пробила свод метрополитена, сдвигая отверстие в три сажени; вторая пробила насквозь трехэтажный дом, а третья разрушила подолу другого трехэтажного дома. Наконец одна из бомб не разорвалась. Бомба, пробившая свод метрополитена, упала на рельсы, по которым за две минуты

Партизаны. Рисунки Г. Георгиева.

перед тем успевать пройти побед, переполненный пассажирами.

Из этого можно видеть, что бомбы, сброшенные немецкими цеппелинами над Парижем, отличались значительно большей разрушительной силой, чем те бомбы, которые были сброшены в прошлом году над восточным побережьем Англии, и все же цеппелины никаких сооружений, имеющих военное назначение, не сумели разрушить.

Другой набег цеппелинов на Англию был произведен шестью цеппелинами, которыми было сброшено довольно значительное число бомб над Мидлсботом. Это название носит центральная часть Англии, где находятся значительнейшие промышленные центры, как Бирмингем, Шеффилд, Ноттингем и др. По английским сведениям, было убито 54 человека и ранено 67, а по германским сведениям были достигнуты более крупные результаты, и немцы заявляют, что в различных пунктах, имеющих военное значение, были произведены взрывы бомб, многочисленные пожары. Это только доказывает, что немцы хотели произвести набег специально для разрушения заводов, работающих на оборону Англии, но ничего серьезного не достигли, что еще раз подтверждает неспособность цеппелинов убить кидать снаряды.

Несмотря на то, что нынешние бомбы цеппелинов много больше и разрушительнее прежних, главная невыгода бомбометания сверху остается в прежней силе, а именно невозможность точно попасть в цель, почему разрушение какого-либо сооружения, имеющего серьезное значение, возможно, лишь как случайное явление. Цеппелины попрежнему приходится бросать бомбы, куда попало, и в лучшем случае обстреливать площадку.

Однако, при стрельбе по площадкам, нужно сбросить очень большое число бомб, чтобы закидать всю площадку и действительно причинить ущерб. Между тем цеппелины носят на себе не более полутора-двух десятков больших бомб, почему и при стрельбе по площадкам они не могут разрушить важные военные сооружения, за исключением отдельных случаев, когда брошенная бомба случайно упадет на важную цель.

Сброшенные бомбы имеют вес около 100 килограммов, т.е. около десяти пудов. Так как цеппелин может везти с собою около ста пудов такого груза, то число бомб может быть приблизительно исчислено около десяти.

Бомбы эти, конечно, имеют весьма тоненькие стволы и сильно наполнены взрывчаткой, так что из десятипудовой бомбы может выйти с половиной пудов взрывчатого вещества. Этим и объясняется особая разрушительная сила этих бомб.

Далее, можно сказать, что при ночном полете в Англию немцы сбрасывали в общем свыше 600 бомб в одну сторону и приблизительно столько же в обратную сторону, т.е. всего 1200 бомб.

Официально оба набег на Париж и на Англию, к которым немцы так усиленно готовились в течение 9 месяцев, мы видим, что результаты этой длительной подготовки оказались сравнительно незначительными, и каких-либо новых технических усовершенствований, которые бы да-

Последний патрон. Рисунки Г. Георгиева.

вали цеппелин грозным оружием, немцы не выработали. Перед нами все те же цеппелины, могущие летать лишь на небольшое расстояние и притом ночью, чтобы не быть разбитыми пушками, и все усовершенствования немцев свелись лишь к тому, что теперь эти цеппелины сбрасывают бомбы большей разрушительной силы.

Это подтверждает, что ожидание появления немецких цеппелинов и их дальних полетов, как на нашем фронте, так и на западном, полая в настоящее время, ибо, независимо от того, что эти цеппелины нужны благоприятным климатическим условиям, цеппелины в большинстве случаев, если не будут тумана, будут разбиты орудиями, либо сбиты аэростатами, как то и доказывают примеры, бывшие на нашем фронте, когда немецкие цеппелины каждый раз отгонялись от Двинска.

Значения цеппелинов не следует преувеличивать. Мы знаем, что до сих пор цеппелины летают крайне редко, а преимущественно летают аэростаты. Это происходит оттого, что цеппелинам, как лампной цып, нужно держаться очень высоко над землей, иначе они будут разбиты, а между тем сила ветра в тех слоях атмосферы (1—3 версты), где приходится летать цеппелинам, гораздо значительнее, чем вблизи земли. В климатических условиях нашей зимы полеты цеппелинов менее всего благоприятны, а дальнее расстояние, которое пришлось бы преодолеть у нас цеппелинам, дастся весьма малоправдоподобными крупными набегами цеппелинов на наш театр войны.

Созыв Государственной Думы.

(Вопросы внутренней жизни).

Высочайшим указом соиметь Гос. Думы и Гос. Совета назначен на 9-е февраля. Обнародование указа сразу внесло в некоторые успокоение в широкие общественные круги, которые искали ненормальным систематическим отсрочкам созыва законодательных учреждений, составлявших одну из особенностей политики И. А. Горемыкина. Разойдясь с народным представителем в самых основах политической программы, престарелый государственный деятель, без карьера которого протекал в рамках бюрократического строя, по видимому, уже не вбирал в возможность единоличной работы правительства с нынешней Думой и мог остаться по главе кабинета только при условии дальнейшего отсрочки созыва законодательных палат. Замена на высшем посту председателя Совета Министров Н. А. Горемыкина Б. В. Штюрмером прежде всего аннулирует собою перемену государственной политики относительно Гос. Думы. Прочно сложившаяся репутация Б. В. Штюрмера, как человека правых убеждений, разумеется, не внушает никаких надежд насчет того, что руководимое им правительство пойдет за Гос. Думой во всех ее требованиях, но первый акт обновленного кабинета, выразившийся в созыве Гос. Думы, неопровержимо свидетельствует о том, что она все же считается возможным и практически осуществимым составлением с народным представительством под знаменем патриотизма и государственности. Если в краткую весеннюю сессию это знамя объединило почти все фракции Гос. Думы и Гос. Совета, то тем естественно ожидать, что под ним объединятся и руководители правительственной власти с представителями русского общества. Поскольку компромисс, достигаемый путем взаимных уступок, составляет душу всего парламентского механизма, основу всего внутреннего быта европейских парламентов, постольку компромисс допустить, законен и даже обязателен и то взаимных отношений между народным представительством и правительством, особенно в незначительно напряженное время борьбы за национальную независимость и свободу. Соглашение без всякой тени отречения от своих святынь и принципов тем возможно, что 9-го февраля правительство и

Член Государственного Совета тайный советник Н. Н. Покровский, назначенный Государственным Контролером.
По фот. Штейнберга.

Действительному правительству, стоящему на уровне великих затруднений времени, нечего бояться общественной критики, идущей от патриотических идеалов и требований. Великая борьба с патриотической критикой возможна только под условием отречения правительства от его национально-исторических задач и потому привела бы только к правительственному самоуничтожению власти. Новые назначения вводят нашу государственную корабль в новое более широкое и не столь богатое подводными камнями русло. В беседах с журналистами новый государственный корабль заявил, что первым пунктом его программы будет непримиримая борьба с немецким лакейством. На этом пути найти опору в общественной мысли. Самой роковой ошибкой правительства было бы недостаточное внимание к борьбе с немцами на всем поле военной, дипломатической и гражданской жизни.

народное представительство встретится совершенно при другой обстановке, чем та, при которой оно рассталось прошлым летом: тогда Гос. Дума собралась под гнетущим впечатлением быстрого отступления нашей армии, теперь она видит, что правительство сумело более или менее удовлетворительно подготовить народную оборону и остановить дальнейший натиск врага.

Положение правительства, да и настроение Думы уже не то, что было прошлой весной. Хотя далеко не все неотложные требования жизни удовлетворены, Дума все же вынуждена будет считать ее жизнедеятельною и дееспособною властью и признать своим безусловным и непререкаемым гражданским долгом поддержку власти, действующей на защиту России от германского нашествия. Если думская критика правительственных действий будет исходить из патристических требований возможно более широкого развития всех средств и ресурсов национально-государственной обороны, а не из каких-нибудь узкопартийных соображений, она найдет громко отклик в обществе, получит силу непреодолимого влияния и принесет огромную пользу и самому правительству и стране. Самый верный друг власти тот, кто напоминает ей о ее долге перед народом, а самый опасный враг ее — лжец, потворствующий ее гибельным ошибкам.

Казачий разъезд. Картина И. Владимірова.

„Виноватый“.

Рассказ Владимира Воинова.

(Скочаице).

VIII.

На исходь пехоты атаки усилились.

Было ясно, что немцы задумали продолжать свои попытки в одно место.

Нашу роту немного усилили из резерва и поднесли новый запас патронов.

Среди дня телефоны сообщили, что на нашем участке замечены скопления значительных масс. Предстояло серьезное дело. Вольноопределяющийся из только-что прибывших сообщил, что, в связи с развитием дела на крайнем фланге, в нашей армии намечена перегруппировка: главным массам отойти за реку, а мы с нашей ротой справа и слева должны будем прикрыть переправу, приняв на себя весь удар немецкой фаланги.

Задача непростительной важности. Вольноопределяющийся говорил об этом, смывая, словно рбч, вы о чем-то веселом.

А мы его слушали молча и думали о близкой своей судьбе.

Может-быть, затранный дем. одного из нас вычеркнет списком, карандашом. Мени, или Несвицкого. А может-быть, и сразу обух. О наших в эти минуты почему-то не думалось.

Они бродили по окопу, отдалая послышась наставлений, и молодые солдаты, только-что влившись в состав нашей роты, с каким-то испугом поглядывали на его деревенскую ногу.

Очевидно, казаки успели уже кое-что пощипать пощипать.

Ну вот, Иван Владимирович, Владимир Васильевич!

На возицях. Очередь в лавочку. Последний пункт. Головной отряд Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, в 5-ти верстах от наших окопов.

Какже, и дождалсь мы настоящей работы! утонула она нам, открывав свой вортсгарь. Смотрите, как зачертила! Ах, что-то это!

Капитан закурил и ткнул пальцем в небо, где в по стояющей паче одна на другой таяли спальные ракеты. Начиная обстрел. Густой. На коротком плеч. Прямо в лоб.

Пленные германы, взятые в последних боях, при отправке с позиций в глубь России.

Походное „офицерское собрание“.

Пойдемте, пойдемте чайку! предложил капитан. А то посты не дадут.

Мы ушли в землянку и принялись пить чай.

Капитан попросил прапорщика позвать вольноопределяющегося. Наверху шла работа. Это тяжелая пеммел батарея обрабатывала пашу участка перед атакой.

Несвицкий и прапорщик хлебнули пива по кружкам, ушли на кухню.

Остались у чайника я, капитан и вольноопределяющийся — молодой юнец, беззаботный и живая натура которого спугнула его из университетской скамьи и бросила в самое пекло.

— Меня зовут Николай Константинович! — докладывал ему капитан. А вас?

— Казимир Ромуалдович.

— Курите, Казимир Ромуалдович? — угощал Заветухин вольноопределяющегося. — У меня дома Рустик остался. Собачка. Главный шельмец. Бывало, утром лежишь, а он придет и лизнет тебе прямо в лицо. Смышливый, ей-Богу!

Капитан замолчал и ласковыми глазами поглядывал на нас с вольноопределяющимся.

Новый наш гость с удовольствием слотал горячую воду, а я глядел в костерок, где еще тлели под пеплом горячие угольки, и мне было грустно.

Как-то сразу воображение мое огородило небольшой уголок действительности и удивительно ясно вложило в него всю капитанову жизнь.

Холодной, одинокой, старческой... Служить, пока мог. А потом случилось вот это. Прошла паша, а с ней вместе и все остальное, что могло еще ждать капитана, будь он здоровым и целым. Правда, не Бог, и быть каким было все это остальное, но все-таки считалось с ним душа, и казалось оно своим, заслуженным, влитым по праву. И что пометить, сказать, что не ждать от него капитан нечего, о чем думать люди, когда остаются одни и стыдливо и робко приоткрывают завесу, отбрасывая сегодняшний день от грядущих.

И вот пришлось человеку потерять это право на завтрашний день: вошла клином в жизнь деревня, и побрел человек, кочевник, в сторону от прежней своей дороги. Поборать свои думы, отмахнувшись от горькой унылой от недавних надежд, и идти на него тяжелым шествием, познание собственной несправедливости, несправедливости для себя, с которыми сроднится: куда мне! да где уж!

Обидно и больно.

Походная канцелярия артиллеристов.

А тут еще война подошла.

Вот тут-то и выдвинулось это чувство вины перед собой.

Для всех остальных открылись пути — настоящие, грудные, правдивые. Все оказалось у себя, каждый почувствовал себя своим и сразу нашел себе место.

А ему... Сколько хлопот — унизительных, горьких пришлось выбросить по темным, запущенным канцеляриям, чтобы получить право на то, что открыто для каждого. Право подвергнуть себя опасностям боя во имя защиты земли своих предков, право отдать свою старую жизнь вместе с другими.

— „Взяли из милости“, — вспомнились мне слова капитана.

Разве же это не горько?

И вот он сидит теперь с нами, с теми, кого он зовел, не иначе, как по имени-отчеству, угощая нас папиросами из старинного портсигара и все еще чувствует, что ни в чем еще не чувствует, что ни в чем еще не чувствует, что ни в чем еще не чувствует.

И даже теперь, посты ряда боев, в которых, всегда на виду, под пеммел пашами, спокойно и просто передвигались по фронту пеммел паша, его фигура на пашах коньках, — даже теперь он роется в памяти перед зеленым вольноопределяющимся и сам называет ему тяжелую кружку из законченного походного чайника.

Где-то гремит. Упорно и нудно. Что-то готовится — большое, суровое. Перед лицом наступающей бури люди тревожно отодвигаются назад, про себя подводят итоги, есть любовно и грустно останавливаются мыслями на том, что было лучшего из жизни — дорогого и счастливое.

У Несвицкого дома — жена. У прапорщика — невеста. У меня — мать и братишка. Кто-нибудь есть и у нового гостя, влетевшего к нам неожиданно на самом макушке развязки.

— У меня дома Рустик остался. Собачка. Главный шельмец! — стоял во мне слова капитана.

И было жалко чего-то и обидно и больно.

И хотелось бы что-то сказать, что-то сделать.

Если бы знать.

Да! Если бы знать.

IX.

За ночь отбили четыре атаки.

Утром упорно и жарко отстреливались.

Санитарная колонна. Оправление за ранеными.

До полудня откуда-то сзади отбили еще наши орудия редким и вялым огнем.

А посты мы слышали только тихую стрельбу, и было件件но, что за спиной растет и цветет пространство, расширяясь до самой реки, куда переходил, согласно приказу, главный массы резервов.

Интересное чувство, когда остаешься один, предоставленный собственным силам.

Сложное оно, глубокое. И тот, кому довелось пережить его, будет посты стремиться к нему опить и опить, ибо ставить оно человека на острую грань бытия, за которой лежат необоримые холодные дали, дальше коней уже не дано глядеть смертному оку.

И не смерть, не опасность, не страх за себя развешивают предель, а какая-то скрытая сторона человеческой сущности, познающей себя до конца, целиком, только себя, на вершинах борьбы двух начал, крепко слитых в одно животно-духовное.

Несчастливый хоть раз глупый праздник победы „духовного“ над

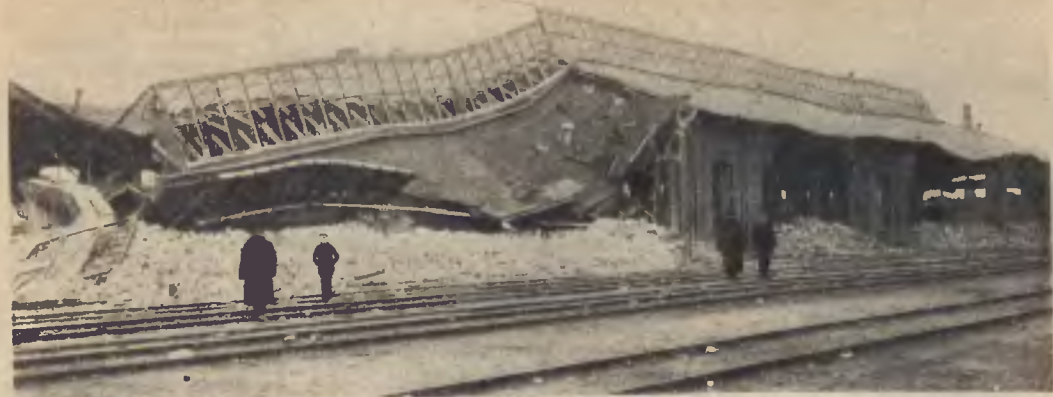

Красный Крест на походе.

Отряд Красного Креста на позициях во время затишья.

томящимся, смирным, в предсмертной тоске, внищая в огонь обреченности „тлеленных“ до конца слоних дней одеть, пить, устали души четоту и прозрачность великих минут, улыбающихся розовым, сбитым, бес- смертия у обрыва мотыль; ибо тот, кто осилит себя самого, свою боль, свою смерть, утратит брэнного тла и воз- высит над всем этим дух, — приоб- щаясь уже тайников бытия, недоступных и скрытых от неприя-

Постъ отхода иѣмцевъ.

щато оны, ошумѣннаго гортѣмъ дымомъ благоуханія и рѣбѣмъ утѣхъ обидѣнности.

Мы съ Немичкинымъ стоимъ на флангахъ окопа. Прапорщикъ выбылъ изъ строя еще до зари. Не было боя, и войскоопредѣляющагося: быстро и просто вышло его то, въ чему оны тѣнулись безпокойной и чистой душой.

Не хватало и многихъ товарищей по ратному дѣлу, — перенесли они свѣдѣющую грань съ выстрѣломъ въ руки и обрѣли себя вѣчную память въ сердцахъ тѣхъ изъ насъ, кому суждено возвратиться. Асланъ-Бекъ похуль въ одну ночь, подобрался, и острѣе глядя теперь его кругой тонкой нозь съ побѣжденной горбинкой.

Что-то еще неопытное нитало въ окопѣ, имѣлъ съ паромъ дышанія и миснымъ дымомъ ежеминутныхъ разрывовъ. Стало трудно слышать что-нибудь, и въ зудящемъ, насыщенномъ трескомъ и грохотомъ воздуха: облачка безконечныхъ, праниелей разворачивались изъ ватой — глухо и мягко: больше звуковъ не могла вмѣстѣ атмосфера; и выдѣлался въ нее только пятна ошей и брызги земли, сквозъ которые рвались куда-то наши обожженные души.

Скоро распалась живая стѣна на отбывшихъ звеньяхъ; ощущение связи пропало, и каждый стоялъ за свой страхъ, зная только себя и ниптошу.

Рядомъ со мной пулеметъ подпрыгнулъ лягушкой, подхватившей силой разрыва, и гдѣ-то унять за синуей.

Два солдата остались лежать.

Я схватилъ рукоятку револьвера и, не зная зачѣмъ, бѣлъ свѣтъ. Помню ясно моменты, когда перестали рваться снаряды. Слово что-то отвлечь изъ струи и направить ее мнѣ насъ.

Знакомый моментъ — жуткій и радостный.

Впередъ... Капитанъ... Асланъ-Бекъ...

Скаты окопа, изъмѣненный пучкомъ... Ключа чухъ-то шипѣлъ на проводокъ... Новый гудъ... Голосъ знакомый и бѣлый... Слова свѣдѣли... Чувство связи, буйное, злое.

А потомъ — пучечки ошаты, и опять скользящая стѣнка окопа — своего, но какъ будто чужого. Слово не мы въ немъ стояли минуту тому назадъ, а кто-то еще.

И непонятно казалось, почему это не все выходило, а сидеть и лежать, какъ пошло, будто бы намъ все равно, что случилось.

Желтые зубы откуда-то спрыснуты Асланъ-Бекъ...

Оны, безъ пахахи... Подъ мышкой десятокъ винтонокъ. Зачѣмъ? Для чего?

А потомъ какъ-то сразу свѣдѣли кругомъ, и сквозъ рѣдкую, дробную трескотню ходить въ сознание:

„Слава Богу! Обижи!“

Х.

И еще были моменты. Но

такой, какъ другіе.

Холодный и ясный.

Было жутко и тихо.

Жили безъ выстрѣловъ.

Впередъ мѣстоично и вло

двигалась сѣрая гуща людей.

Шли устало, безъ крыла. Въ

послѣдней рѣшительности.

Мы стояли, глядя на нихъ

и ждали сигнала.

И вдругъ среди тишины

чѣмъ-то чужимъ и ненужнымъ

протрещалъ звонокъ телефона.

Что-то вспомнилось. Мо-

жетъ-быть, мнѣ одному. Мо-

жетъ-быть, и еще кому-нибудь.

Капитанъ изложилъ и при-

нять распоряженіе.

Держаться во что бы то

ли стало! — сказалъ онъ скорѣе

себѣ самому. Понтонъ го-

товъ! Сейчасъ начать при-

возить артиллерию. Если про-

держитесь два-три часа, за-

дача будетъ исполнена!

Два-три часа...

Впередъ нацѣлилась сѣрая

гуща.

Господи! Помоги намъ!

Я осматрѣлъ пустой револь-

веръ и сунулъ его въ кобуру.

Кое-кто изъ людей вкли-

дывалъ послѣднюю обойму.

И вотъ около меня собралась

кучка людей и что-то ожи-

вленно зашопотала.

Гонорили по-своему, изъ

своего языка.

Я подошелъ къ Асланъ-Бекъ и машинально осведомился, въ чемъ дѣло.

Онъ опустилъ глаза и что-то сказалъ.

Громче! Не слышу!

Асланъ-Бекъ наклонился ко мнѣ и страннымъ, измѣненнымъ, шопотомъ заявилъ:

Капитанъ отыграть дырявый ногъ!

Жуткимъ ходкомъ тронуло сину.

Я пробѣжалъ между солдатъ и остановился.

Капитанъ Залетухинъ сѣлъ на землю и застывшими, не-

ступаящими пальцами отстегивалъ ремни деревянной ноги.

Окончивъ, онъ отложилъ ее въ сторону, поднялся, трихнулъ

пустой штаниной, и поглядѣлъ на солдатъ.

Тѣ некогда бросили взглядъ на него и отвернулись.

Когда я шагнулъ черезъ трупы убитыхъ обратно на флангъ, я

видѣлъ, какъ отъ солдата къ солдату передавался:

Капитанъ отыграть дырявый ногъ!

Что было потомъ, я не помню.

Да если бы и помнилъ, едва ли бы смогъ передать.

Очнувшись я уже на той сторонѣ рѣки въ летучемъ отрядѣ.

Тамъ я узналъ, что мы продержались четыре часа.

Тамъ же мнѣ сообщили, что отъ роты осталось сорокъ три

человѣка.

Капитана нашихъ безъ ноги впередъ заваленнаго тѣлами окопа.

Онъ былъ безъ чувствъ, съ тремя штыковыми ранами, но живой.

Сорокъ три отстояли окопъ, и ибѣды отхлынули, дакъ нашимъ

возможности перейти за рѣку, подобралъ своихъ раненыхъ.

Асланъ-Бекъ уцѣлѣлъ.

Уцѣлѣлъ и Песвицкій, потерявшій два пальца и глаза.

У меня изъ бедра залезли пулю и пережалили лопъ, разбитое

къ крови при паденіи.

Задача была непонятна, и переписка прошла съ волнами

успѣхомъ.

Остальное — не важно.

М.

Два дня тому назадъ я встрѣтилъ на Невскомъ офицера.

Онъ шелъ бодро, выпятивъ впередъ грудь, украшенную бѣлымъ

крестомъ.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВѢЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
П. О. Алексѣевъ.Подъесаулъ
А. Н. Васюковъ.Поручикъ
А. А. Жебровскій.Корнетъ
Б. А. Миловоровъ.Подпоручикъ
А. Т. Каминскій.Хорунжій
Г. А. Голубинскій.Хорунжій
Е. Г. Вдосенко.Хорунжій
Н. Д. Фагулинъ.Подпоручикъ
С. С. Вардапетянъ.Подпоручикъ
М. И. Рюминъ.Подпоручикъ
А. П. Нестеровъ.Прапорщикъ
П. П. Нестеровъ.Прапорщикъ
А. И. Мочаловъ.Прапорщикъ
В. И. Мочаловъ.Прапорщикъ
И. А. Вавиловъ.Прапорщикъ
Д. В. Олсуфьевъ.Прапорщикъ
Н. И. Сербовъ.Прапорщикъ
М. В. Казанскій.Прапорщикъ
В. Д. Анисимовъ.Прапорщикъ
Е. П. Дьяченко.Прапорщикъ
С. О. Калиничукъ.Прапорщикъ
А. А. Поль.Прапорщикъ
Е. П. Семеновъ.Прапорщикъ
А. С. Гаусманъ.Прапорщикъ
В. Н. Кнохъ.

Все, что осталось отъ станціонной постройки на станціи С.

Львая рука его влезла на черной поясок, а в походке было что-то странно-иное.

Поровнившись, илечо о илечо, а чуть не вскрикнув от радости.

Это был капитан Заплетухин. Мы крѣпко расцѣловались, привлекая внимание попутных.

Потом мыли ивановича и направились в ближайшее кафе.

Там мы сидѣли до вечера, вспоминая восьмую роту, глечную задачу, выпавшую на нашу долю, поручика Невзничего, прапора, пахнувшего смертью героя в бою. Астань-Бек и все остальное.

Капитан говорил съ упоением, размахивая здоровой рукой, и смѣшно гонорил усы.

Я его слушал съ восторгом, и все время у меня в голове что-то вертелось.

То ли мнѣ спросить его было нужно о чем-то, то ли что-то припомнить.

Наконец, когда онъ въ одну из минут, тронув рукой черныя усы и гордо и весело сверкнув глазами въ сторону проходившей дѣвочки, и хлопнул себя по лбу.

„Господи! Вспомните! Глаза!“

Я устанился въ него, словно только сейчас увидѣть, и душа моя наполнилась сразу теплом и радостью.

До того взоръ сдѣлался переломной человека, украшенного крестомъ, былъ далеко от того, что когда-то было мнѣ и Невзничему повод окрестить его кинжолом „Вино-ватип“.

Развѣдчикъ.

Рассказъ А. С. Грузинскаго-Лазарева.

И. Вы говорите, что опасно идти на развѣдку? Ну да, конечно, есть опасность, но вѣдь мы русскіе, не бѣжимъ отъ опасности, а часто ищемъ ее. „Опасность? А ну-ка, я посмотрю тебѣ въ глаза, что ты за опасность такая?“ Мы пока что живемъ, еще въ простотѣ, не живемъ собою большого комфорта, не приѣхавъ еще къ нему всѣми силами души и часто рискуемъ, предпочитая со-

храненію своего драгоценнаго бытія. Мы не ищемъ, не разлабленные, а народъ здоровый и бодрый. Притомъ же отечество наше обширно до чрезвычайности, и опасностей изъ него хоть отбавляй. Я не стану говорить о томъ, что при желаніи вы на Уссури можете тигровъ бить. Что Уссури! Далеко Уссури! А разскажу о томъ, что въ дѣтствѣ я вычиталъ, что я молодъ и что это не могло быть давно) я жилъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи: въ ста верстахъ отъ Москвы по прямому направлению. Тамъ воть, по лѣтамъ, съ жестокою морозы, въ сумерки или ночью на окраины нашего небольшого городка забѣгали голодные голы и таскали морозныхъ собакъ, которыя были попутны. А дѣломъ, верстахъ въ десяти отъ города, въ глухихъ покровскихъ тѣсахъ охотники до грибовъ или земляники натыкались на медвѣдей. И, вы думаете, страшно пугались? Да ничуть! То-есть, пожалуй, и пугались, но для черезъ три, черезъ четыре вновь оренъ на той же земляничной въ тѣ же тѣса.

Богъ милостивъ! Разъ на медвѣдя наткнулся, а второй разъ, дасть Богъ, не наткнулся!

Гуляя тамъ была вѣща, что порой туда забѣгали и лоси, а ужъ на что это осторожный, пугливый, пѣблѣющий одиночки человекъ, вѣдь.

Совмѣстите-ка медвѣдей и дѣлнбудь на лѣсныхъ порубкахъ красную, тѣсную, сочную землянику и поже въ огни крупную орунку изъ блѣкнущихъ, пожелтѣвшихъ мхахъ. А у насъ, на Руен, все это совмѣщается. Все. А теперь скажите, мыслится ли какой-нибудь „благородный иностранецъ“ или „благородная иностранка“, идущие собирать букетъ фиалокъ въ гостѣхъ медвѣдей? Мнѣ кажется, немислится. Нѣтъ такихъ! Можеть-быть, дѣтъ

На западномъ фронтѣ. Прimitives приспособленіе пулемета для стрѣльбы по аэропланамъ. Колесо на бочкѣ служитъ поворотнымъ кругомъ.

Первый отрядъ передвижныхъ фильтровъ, введенныхъ во французской арміи.

пятьсотъ паздѣ были такіе, а теперь не сыщешь такихъ. Нѣтъ, нѣтъ.

А разницы нашихъ широкихъ, нашихъ могучихъ рѣкъ развѣ не приучили русскій народъ къ опасности?

Развѣ у какой-нибудь пѣзюры выпадаютъ такіе глубоки, чуть не саженины снѣга, развѣ на десятки, чуть не на сотни верстъ разливается ихъ рѣки?

Господи Боже! Вѣдь вы же знаете, что съ половиною творится у насъ на Руен! Какіе бушуютъ, какъ говорятъ русскій народъ, „моря-океаны!“ А эти стихійныя страшныя зимніе метели нашихъ безконечныхъ равнинъ, метели, поелъ которыхъ приходится отгребать отъ снѣга цѣлые поѣзда! А лѣсные пожары, которые идутъ на сотни верстъ, дѣлая по мѣсяцамъ, — лѣсные пожары, изъ-за которыхъ солнце по недѣлямъ кажется тусклымъ, краснымъ фонаремъ, не отбрасывающимъ ни единого луча!

О, говорю же вамъ, что наше отечество приучило насъ, сморъ въ опасности прямо въ лицо!

Но вернусь къ развѣдкамъ.

Не всегда въ сердцѣ чувство смертельной опасности; иногда чуть-чуть жутко, и только. Помню, какъ въ первый разъ, передѣвшись мужикомъ, я зашелъ на базаръ въ занятый нѣмцами польскій городъ. Я бродилъ по базару, прицѣпился кое къ чему и лѣниво скользилъ глазами по группамъ нѣмецкихъ солдатъ, отбѣгая въ умѣ и подчитывая ихъ занятія городъ части. Я съ гордостью думаю, что ни одинъ петчикъ не посмотрѣлъ бы того, что я вѣдѣлъ въ городъ, и притомъ безъ всякихъ зарать на аэропланы.

А въ душѣ не было страха.

„Ну, идѣ догадаться, кто я, этому нѣмецкому дуралю?“ — самонадѣнно думаю я.

И, повторяю, въ душѣ не было страха. Было чуть-чуть жутко. Вспомнилось, что съ такимъ же чувствомъ въ юности я катался по только-что заморзшей рѣкѣ на конькахъ. Рѣка у насъ была не широкая, но очень красивая, съ высокими берегами, съ частыми лавоюми, въ которыхъ дѣломъ шумѣли камни и сверкали на солнцѣ серебристыя бока рыбы. Когда рѣка замерзала и мы думали, что ледъ ей съ грѣхомъ пополамъ можеть выдержатъ человекъ, навѣрно мы не знали этого и полагались больше на свое счастье да на судьбу, — мы падѣли коньки и съ упоениемъ по одиночкѣ мчались вверхъ или внизъ по рѣкѣ на дсентъ, на пятнадцать верстъ. Вы знаете, какой быстроты можеть достигать мчащийся конькобежецъ, особенно, если вѣтеръ дуетъ ему въ спину? Вспетину, конькобежецъ несется, какъ вихрь. И вотъ было стадио и жутко нестись по только-что застывшему льду, потому что безпрестанно то тутъ, то тамъ ледъ потрескивалъ подъ ногами, а иногда дѣлать трещину отъ берега до берега и тѣмъ ухлѣ, какъ оудю подлнмъ на днѣ рѣки стрѣляли пѣ-

пушки. Вы, навѣрно, слышали, какъ ухаетъ этотъ осенній ледъ? Да, жутко и стадио было нестись по этому тонкому льду и играть съ опасностью, которая Несо-мѣнно была. Стучаюся не разъ, что конькобежцы у насъ проваливались и принимали холодную ванну, случалось, что проваливались и гибли, если попадали подъ ледъ и поблзости не было никого, кто бы могъ ихъ спасти. Да, всео бывало. А чуть приобтѣкалась зима и морозъ завертывалъ и трепалъ безъ снѣга, мы хватили коньки и опять мчались на этотъ тонкій, только-что заморзший ледъ.

Лѣниво броди по базару, и быть далеко отъ предчувствія, что меня и смерть радѣяетъ одинъ тонкій волосокъ. Могу поклястесь, что ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ я не походилъ на шпиона, а все же въ концѣ концовъ ко солдату, вемотрѣвшись въ меня и

мнѣ подошли два нѣмецкихъ уфѣренно сказали по-русски:

— Русскій шпионъ!

Конечно, это не погрѣсло меня, не испугало: я готовился къ этому двадцать разъ: сдѣлавъ пдотекъ-равнодушное лицо, я подхоуль и сказалъ лѣниво:

— Зачѣмъ шпионъ? Ничуть я не шпионъ! Никогда шпиономъ не былъ. А просто пришелъ на базаръ за покушкой. Кушать германы, кое-чего...

Это меня и сгубило.

И.

— Кушать кое-чего? — сказалъ тотъ нѣмецъ, который былъ постарше. — Посмотримъ. Покажи кошелекъ.

Что могло быть естественнѣе и проще этого требованія, но я отъ него чуть-чуть не свалился съ ногъ. Никакого кошелька, никакихъ денегъ со мной не было; я не взялъ ихъ, не нѣтъ простого мужицкаго кошелька.

Теперь я думаю, что нѣмцы потребовали мой кошелекъ съ единственной безхитростной цѣлью незамѣтно (а можеть, и безъ особахъ стѣбеней) вытащить изъ него часть мошъ денегъ, но тогда ихъ требованіе показало мнѣ дьявольской хитростью, которая совершенно сразила меня. Ставивъ въ карманъ, я ударилъ себя руками по бедрамъ, вскрикнувъ въ испугъ, разыграть, какъ мнѣ кажется, довольно некусно обокраденнаго человекъ, но исп эта комедія не привела рѣшительно ни къ чему. Нѣмцы мнѣ не повѣрили или сдѣлали видъ, что не вѣрятъ мошъ разсказамъ. Вѣрѣе всего, что ихъ просто разозлила неулыбчивая попытка меня отравить. Но такъ или иначе судьба не несла меня.

На западномъ фронтѣ. Французскіе солдаты въ передовой траншеѣ.

Захваченные французами в Шампани немецкие снаряды, начиненные удушливыми газами.

На всь мой уверения немец старшие качать головой и поворачивать насмешливо:

— Так, так... Ты не шпион, ты простой крестьянин и пришел за покупками. Но где же твой кошель? Второй немец сказал с досадой:

— Но что его слушать, Ганс? Конечно, русский шпион. Отведем его к офицеру.

Меня отвели к офицеру; у офицера была предупредительная рожа, но на мое несчастье он оказался совсем не таким дураком, каким казался. Выслушав донесение о том, что пойман русский шпион, который ходил и выматривал немецких солдат на базаре, а утверждение его о том, что он пришел на базар за покупками, опровергается отсутствием кошелька и денег, офицер внимательно осмотрел меня с ног до головы, лениво затянулся горьким дымом сигары и сказал лениво:

— Не лги! Я тебя насквозь вижу. Ты же шпион.

Я молчал.

— Ну, признавайся! Ты же солдат и не офицер. Русский шпион.

— Я не солдат и не офицер. Я русский крестьянин.

— Да? Русский крестьянин?

Офицер прищурился с улыбкой, которой позволяло бы ему дьявол.

— Ну, скажи же мне, русский крестьянин, зачем ты на тебе сапоги военного образца?

Солдаты, приведшие меня, радостно, хотя и почтительно, захохотали; их ухмылка находчивости офицера; а я... я был поражен. Как я мог попасть так неосмотрительно глупо? Я переставая в крестьянское платье, но... сапоги на мне были действительно военного образца. Я не считал этого важным, мне не приходило в голову, чтобы на это могли обратить внимание, но офицер с таким лицом был дьявольски смышлен, и, благодаря его смышлености, меня, как чужака, захлопнула западня.

Я начал объяснять, что сапоги из миф, может быть, и военного образца, потому что я купил их у солдата, но сам я все же простой крестьянин, а не солдат. К сожалению, я был настолько смущен, что голова моя не могла обратиться к вниманию, но офицер с таким же лицом был дьявольски смышлен, и, благодаря его смышлености, меня, как чужака, захлопнула западня.

Вы спросите у меня, не попал ли я в отчаяние.

Конечно же, нет, хотя положение было трудное. Мне казалось, я надеялся бы спасенья даже тогда, когда меня повели бы в плен. До первого дерева от сарая было не мало шагов. А тут впереди еще целых двенадцать часов, еще целых полусуток! Кажется, немецкая пословица говорит, что от губы до чашки — семнадцать миль, чуть не целая жизнь. Мне чудилось, что и от сарая до вывески довольно далеко.

Бывали случаи, что при наступлении русской войска привалились в село или мезечко и спасали жителей. Но я знал, что на это я не могу рассчитывать: наступления не предвиделось; я мог рассчитывать только на самого себя.

Грошущий дождь барабанил по крыше, а я сидел на земле сарая и придумывал средство спасенья.

Но в голову решительно не шло ничего подходящего; я был

Когда я подошел к нему, что случилось довольно быстро, он лениво сказал солдатам:

— Повесть его! Это русский шпион.

— Слушаем, господин лейтенант. Когда прикажете повесить?

Гейчас.

Ступались сумерки; по стеклам окон неожиданно забарабанил крупный дождь.

Не знаю, стало ли немецкому офицеру жалко солдат, которые должны были измокнуть на дожде во время моего побегу. Или он сам захотел насладиться этим зрелищем на утро, но только он неожиданно процдил сквозь зубы, когда меня уже повели:

— Заприте его в сарай до утра. А завтра утром напомните мне: я распорядусь.

Итак, казнь моя отсрочилась на полсутки; мне очень криво связали веревками руки, вложили меня в какой-то темный сарай, а сарай заперли большим железным замком, который сломать было невозможно, и который, когда в него повертывали ключ, загудел так, как может гудеть только похоронный колокол.

Различные типы французских воздушных бомб.

связать, бросить, как жидкая мышь, в сарай и запереть там каким-то замком. Сломать который у меня не имелось ни малейшей надежды.

Затем я решил, что во всем должен быть порядок, и что, если я не освобожу себя сам, я не освобожусь и сам. Раньше всего вставал вопрос о веревках. Если бы я был жалкой мышью, я освободился бы от них в какой-нибудь час. Но я был впрочем творенья, человеком, и это уже было гораздо труднее. Все же, когда я начал думать не о собственном освобождении, а только об освобождении от веревки, это было легче, и через четверть часа в мозгу моем мелькнула счастливая мысль.

III.

В каком сарае не встрѣчается вбитых в стену гвоздей? Можно ли представить себе сарай без гвоздей? Бог их знает, зачем, но в каждом сарае есть гвозди, вбитые до конца шляпкой. Если я найду гвоздь, который мне нужен, я освобожусь от веревки очень быстро.

Я встал с земли и начал бродить вдоль стенок сарая, ища гвоздей. Гвозди были: но не было такого, какой мог помочь мне: четырехгранного, хоть с одной острой гранью, о которую перетереть веревки было бы легко. Попадались только круглые безопаленные для меня гвозди, но так как судьба, очевидно, не хотела, чтобы я попал в петлю, нашелся в конце концов и граненый гвоздь. Через час я уже потирал ладони от веревки руки, и первый этап моего спасенья был мною пройден.

Руки мои были свободны: оставалось освободиться самому: прежде всего, конечно, из сарая.

Где-то сверху под крышей сарая маячило окно, из которого на меня, когда я подходил к нему, падали капли дождя: но добравшись до окна я не мог: для этого нужно было быть цирковым гимнастом. Я обошел и ощущал раз пять весь сарай. Быть-может, вы думаете, что в сарае нашла бы истина? Нет, к сожалению, кроме головы да каких-то небольших досок, в сарае не было ничего. В сарае не было самой коротенькой ленточки. И опять я подумал, что, если бы я был мышью, я освободился бы из этого сарая в какой-нибудь час.

Дума эта опять навела меня на хорошую мысль.

Если нельзя было выйти из сарая ни через окно, ни через крышу, ни через стены, отчего же было не попытаться выйти под одну из стен, как вышла бы мышь?

Я раскачал один из больших гвоздей, торчавших в стене, вытаскивал его и начал им подрыгивать землю вдоль задней стены, там, где земля казалась мне рыхлой. Руками я выгребал землю из ямы; часа через два непрерывной безшумной работы и увидев, что план мой оказался гениальным, и что свобода моя близка. Кстати: я работал почти безшумно, но, если бы от моей работы и шел легкий

Кавказский фронт. В ночную разведку.

шум, его заглушил бы филин, кричавший где-то в соседних кустах пронзительно и дико. Кто его слышал, тот не забудет этого отвратительного крика. Но мне он казался слаще любой музыки.

Еще через час, в глухую, темную полночь, я вылез, как крот, из черной норы.

Освободившись из стен сарая, нужно было уходить со двора. Заборы были высокие. Очевидно, «пань», владетель двора и халупы, был хозяйственным человеком.

Приходилось идти через калитку. Часовой на мое счастье спал. Я был не такой ботыной и важной птицей, чтобы из-за меня было нужно бодрствовать всю ночь. Я задумал часового, взял его револьвер и тихонько выскользнул из калитки на улицу.

Я был свободен. И вдруг... почти ничего не осталось от моей свободы, и я чуть-было снова не попал в немецкий капкан.

Из двух миллионов немцев, которые вторглись в Польшу, на моем пути возле какой-то заставы из мрака вынырнул тот единственный немец, которого я меньше всего желал видеть: совершенно неожиданно меня осветил фонарем немецкий солдат, именно тот, который был порасторопнее и постарше и который на базаре потребовал мой кошель.

— А-а... Старый лжекомы! — сказал немец с улыбкой, в кото-

Кавказский фронт. Город Ольты. Большая часть зданий города, особенно казенных, разрушена турками во время их недолгого владычества над городом.

рую онъ вложилъ столько
завидности, сколько могъ.
Русскій пинюш! Стой!

Я егерей проскочилъ мимо
него: онъ выстрѣлилъ, но ноч-
ная тьма мѣшала прицѣлу,
и онъ промахнулся. Все же
выстрѣлъ поднялъ тревогу:
вѣдь мнѣ затрещать рядъ
выстрѣловъ, и, пробѣжавъ по
дорогѣ шаговъ двѣсти или
триста, я услышалъ, что кто-то
на лошади догоняетъ меня. Я,
конечно, могъ бы свернуть въ
поле, спрятаться въ придорож-
ную канаву, но при всемъ
этомъ оставалось не мало риска
быть открытымъ, потому что
въ городѣ знали, что я об-
жалъ, и стали бы, какъ звѣря,
выстрѣливать меня. И утромъ,
пожалуй, поймали бы. А такъ
какъ мнѣ повезло въ этотъ
вечеръ, отчего же было не
испытать судьбу еще разъ?
У меня и у того, кто за мной
гнался, шансы были равны.

Я замедлилъ бѣгъ и, когда
лошадь была уже близко, обер-
нулся и бросился къ всаднику.
Всадникъ выстрѣлилъ въ меня,
я въ него. Мнѣ повезло: онъ
не попалъ, а я ранилъ и сбилъ
его съ лошади.

Прошло два-три мгновенья,
и я мчался на лошади, на бы-
строй, выскакавшей впередъ
изъ всѣхъ лошадей, и всѣ
нѣмцы города не могли бы
догнать меня...

Ну, что же, вы думаете,
что меня смущали мои приключенья и что теперь я задумы-
ваюсь: итъ на развѣдки? Ничуть. Приключений было не мало

удачныхъ и неудачныхъ, но смутить ли охотника на медвѣд-
я неудача, которая разъ постигнетъ его? А вѣдь медвѣдь — со-
всѣмъ безобидный звѣрь въ сравненіи съ тѣмъ звѣ-
ремъ, который зовется нѣмцемъ! Развѣ медвѣдь
можетъ натворить столько пущностей, жестокостей
и, сколько ихъ творить нѣмецъ? И потому, когда
нужно идти на развѣдку и вымываютъ желающихъ,
я всегда выхожу впередъ.
Мнѣ сладко, чѣмъ только могу, какъ можно боль-
ше метить этому звѣрю за все то зло, которое онъ
сдѣлалъ людямъ...

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ.

(Съ 3 портретами и 3 снимками на стр. 102 и 103).

На послѣдней Конкурсной выставкѣ въ Академіи
Художествъ были увѣнчаны по классамъ живописи
и скульптуры три молодыхъ художника, удостоен-
ныхъ кромѣ званія художника особаго отличія —
командировки за границу на четыре года. Лауреаты
эти: М. Я. Кацъ, А. П. Мочаловъ и Г. К. Савицкий.

М. Я. Кацъ родился въ 1887 году въ селѣ Вол-
несеніе, Вологодской губерніи. Въ 1900 году посту-
пилъ въ Казанскую художественную школу, учился
подъ руководствомъ скульптора Дзюбанова и окон-
чилъ курсъ по гравюрѣ и скульптурѣ. Въ 1909 году
онъ былъ рекомендованъ скульпторомъ Дзюбановымъ
въ Академію Художествъ. Поступивъ въ классъ
профессора В. А. Беклемешева, М. Я. Кацъ имѣлъ
окончить курсъ Академіи. Выставилъ скульптуру
„Слѣпой Самсонъ“.

А. П. Мочаловъ родился въ 1886 году. Средне-
образованіе получилъ въ г. Пензѣ; въ 1908 году
поступилъ въ Академію Художествъ, курсъ которой
окончилъ по классу Д. Н. Кардовскаго. Получилъ
заграничную командировку за картину „Рыбо-
ловы“. Кромѣ этой картины на Конкурсной выставкѣ
обращали вниманіе его превосходные рисунки сан-
виной и картина „Въ коровникѣ“, — по мнѣнію кри-
тики, лучшая изъ всего выставленнаго художе-
ствомъ. Картина „Въ коровникѣ“ приобретена „Обще-
ствомъ имени А. И. Кундского“ для музея
Общества.

ствомъ имени А. И.
Кундского“ для музея
Общества.

Г. К. Савицкий ро-
дился въ Петроградѣ въ
1887 году. Въ 1908 году
окончилъ Пензенскую
художественную школу,
откуда и былъ реко-
мендованъ въ Академію
Художествъ. Изъ общаго
классовъ перешелъ въ
мастерскую профес-
сора В. Е. Маковского,
подъ руководствомъ
котораго и окончилъ
курсъ Академіи. Увѣн-
чанъ орденомъ за кар-
тину „Смерть Пріама“.

Г. К. Савицкий — сынъ
извѣстнаго жанриста,
передвижника К. А.
Савицкаго, прослани-
вающаго въ семидеся-
тихъ годахъ такими
картинами, какъ „Ре-
монтъ жѣлѣзной до-
роги“, „Встрѣча ико-
ны“, „Панихида на
кладбищѣ“ (Третьяков-
ская галерея въ Мо-
сквѣ), „Путешествен-
ники въ Оверни“, „От-
правка новобранцевъ
на войну“ (Музей Импе-
ратора Александра III).

Г. К. Савицкий.

М. Я. Кацъ.

А. П. Мочаловъ.

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ, получившіе званіе художника и командировку за границу.

Слѣпой Самсонъ. Скульптура М. Я. Каца.
(Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Смерть Пріама (Послѣдній день Трои).
Картина Г. К. Савицкаго. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Рыболовы. Картина А. П. Мочалова. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Расцвела огнем околица,—
Снова недремно открыла пазуху...
Кто-то шепчет, безвзвешенный, помыслился
За меня, за мою судьбу!..

Не горжусь я ордой, как многие,
И заманных похвал не жду:
Не боюсь дала, а убоюсь
Возвещать мою звезду.

* * *

Темный вечер проходить в унынии,
Но протрубить сигнальный рог,—
Буду в строй стремительной линии
Омоченъ, какъ всѣ, и строгъ.

Стойко встречу врага у околицы,
Все земное вложу въ борьбу...
Кто-нибудь, незамѣтный, помолится
За меня, за мою судьбу.

Я. Тисленко.

Казакъ съ трофеями. Авторъ нашего военного корреспондента М. Авилова.

* * *

Наша иглою протворной
Вы склеились. Надо нить.
И пахнет коверъ узорный
Безпокойной мысли нить:
Тамъ, подъ грозный ревъ орудий,
Пули сыплютъ, шрапнели вой,
Миллионы русскихъ грудей
Прель врагомъ стоять стѣной.
Врагъ силенъ, сомнѣться нѣдо,
Но сломить онъ насъ не смогъ.
Богъ Матерь паша ограда,
И защита наша—Богъ!..
Шейте, сестры! Тамъ, въ окопахъ,
Непогода, холодъ, грязь,—

Пусть согреетъ кровь и душу
Незатѣливая бязь!
Хоть далеко отъ идеала
Непривычныхъ рукъ стожокъ,
Не того душа искала,—
Отдалъ каждый то, что могъ!
Въ этой грудѣ белоснѣжной
Вами синяго бѣлья
Теплота и ласки нѣжной
Непочатые края!
Въ ней горячія молитвы
За защитниковъ-солдатъ...
Въ страшный часъ кровавой битвы
Ихъ онъ да охранять!

Н. Бенардъ.

Редакторъ-папакъ Л. Ф. Марксъ.

Культъ тевтонской орды XX вѣка. Рисунокъ М. Кудрявцева.

ХХВВ

